

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXVI

Ростов
2021

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
С 63

Сборник научных статей
«Сообщения Ростовского музея», выходит с 1991 года

Под общей редакцией А. Г. Мельника, С. В. Сазонова

Редактор Л. Ю. Мельник

Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXVI. — Ростов :
С 63 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2021. —
252 с., ил.
ISBN 978-5-6046011-2-9

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-2-9

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2021

Содержание

Булгаков М. Б. (<i>Москва</i>). Кадашевцы — таможенные и кабацкие откупщики XVII века	5
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Кустарная пищевая промышленность Ростовского уезда в конце XVIII — первой половине XIX в.	18
Смирнов Я. Е. (<i>Ярославль—Ростов</i>). Московский университет. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове.....	35
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Прием и размещение военнопленных в деревне Исады Ростовского уезда Ярославской губернии в 1916 году	66
Смирнов Я. Е. (<i>Ярославль—Ростов</i>). Мемориальные публикации об Александре Андреевиче Титове в эмигрантской периодике	77
Федотова М. А. (<i>Санкт-Петербург</i>). История записи посмертных чудес Димитрия Ростовского	96
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Деисусные чины с образом Господа Саваофа посредине.....	109
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Новые определения персонажей на 95 серебряных предметах собрания музея «Ростовский кремль».....	122
Игошев В. В. (<i>Москва</i>), Ченцова В. Г. (<i>Москва</i>). Ростовские серебряники и вологодская литургическая утварь в храме Оксфорда	149
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Финифтяные иконы, отражающие «Сказание о явлении честого и животворящего Креста Господня и Чудотворца Николая»	176

Печкина Л.В. (<i>Ростов</i>). К истории каменного моста Ростова в последней четверти XIX–XX в.	204
Каретников А. Л. (<i>Ростов</i>). Зооморфный гребень с Сарского городища	218
Мельник А.Г. (<i>Ростов</i>). О псевдонаучной статье Т. Л. Никитиной в «Архитектурном наследстве»	237
Михаил Борисович Булгаков (некролог)	249
Список сокращений.....	250

Московский университет.

Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове

Я. Е. Смирнов

Публикация главы «Московский университет» из биографической книги продолжает повествование об Александре Андреевиче Титове (1878–1961) — уроженце Ростова, видном ученом-химике, общественном и политическом деятеле, одном из ярких представителей послереволюционной русской эмиграции во Франции. Две ранее опубликованные главы — «Отчий дом» и «С Покровки на Покровку»¹ — повествуют о детских годах и отрочестве Александра Титова, прошедших в его родном ростовском доме на Покровке и на Покровке московской, когда мальчик учился в знаменитом немецком Петропавловском училище. Новый значимый этап жизни — поступление в 1887 г. в Московский университет, сыгравший в научной биографии А. А. Титова определяющую роль — благодаря близкому знакомству с выдающимся отечественными учеными, ставшими его учителями — профессорами К. А. Тимирязевым, Н. А. Умовым, Н. Д. Зелинским. Однако учеба в Московском университете оказалась недолгой: уже весной 1899 г., после закрытия властями университета вследствие студенческих волнений, прокатившихся по всей стране, Александр уезжает за границу, чтобы продолжить свое образование в университетах Германии. Чуть более полутора лет длился период студенчества в Москве, но насыщенный учебными делами, увлеченным поиском своего научного предназначения и поддержкой учителей раскрыли Александру Титову горизонты мировой науки. Вскоре одним из его наставников станет всемирно известный физико-химик, профессор Лейпцигского университета Вильгельм Оствальд — будущий лауреат Нобелевской премии.

Документальной основой очерка послужила, в частности, обширная переписка Александра Андреевича Титова с отцом — знаменитым купцом и историком Андреем Александровичем Титовым (1844–1911). События не только студенческой, но и семейной и общественной жизни Титовых в переписке отца и сына нашли хроникальное отражение, что позволяет видеть в данном эпистолярном наследии важный документальный источник и для изучения биографии Титова-старшего.

¹ См.: Смирнов Я. Е. Отчий дом. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове (к 140-летию со дня рождения) // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2018. Вып. 23. С. 234–254; *Он же*. С Покровки на Покровку. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2019. Вып. 24. С. 278–344.

* * *

С выбором своей специальности будущий известный физико-химик, кажется, не испытывал никаких затруднений. Его привлекала биология...

Этот интерес был обусловлен отношением Александра Титова к сельскому хозяйству. С тех пор, как его отец приобрел имение, сын всей душой отдавался идее Андрея Александровича превратить Петровское в образцовое хозяйство. Практически все его письма к отцу наполнены заботой об имении, о котором он скучал в Москве, а когда возвращался домой, то почти все время проводил в деревне, в деятельном участии ведения хозяйства. Его занимало все — и полевые культуры, и садоводство, и лесное хозяйство, и животноводство, и сельскохозяйственная техника. Подолгу задерживаясь летом в Петровском, порою Саша получал от отца нареkania, писавшего ему с ярмарки, что, де, «забросил» он с сестрами ростовский дом, за которым никто из членов семьи не присматривает (Надежда Александровна по обыкновению время проводила в уютной загранице). К тому же весь последний год был посвящен созданию в Ростове цикорной фабрики, также неразрывно связанной с сельским хозяйством. Интересы сельскохозяйственного и промышленного производства постепенно выходили, наряду с торговлей, на первый план семейного бизнеса. И Александр по-прежнему, конечно же, оставался сыном своего отца, — он «по званию и призванию» был ростовским купцом.

Еще в старших классах гимназии Александр Титов прочел работы крупнейшего отечественного естествоиспытателя-дарвиниста К. А. Тимирязева, познакомился в его переводах с трудами основоположника эволюционного учения Чарльза Дарвина. Сама теория естественного отбора, революционная по тем временам, опрокидывавшая прежние метафизические представления об условиях развития живой природы, занимала умы многих. Ярчайшим ее проводником в России стал профессор Петровской земледельческой и лесной академии, а затем Московского университета Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920), успешно развивавший идеи английского ученого в своей научной области. Подобно Александру Титову, его труды «Жизнь растения» и «Ч. Дарвин и его учение» еще в гимназические годы прочел его современник — П. В. Танеев, сын известного адвоката и племянник композитора: «И та и другая книги произвели на меня глубокое впечатление. Простота и ясность изложения, глубина содержания, красочный, безукоризненный язык — все это соединяется в названных книгах. И тогда уже вопрос о выборе факультета не вызывал у меня ни малейшего сомнения»².

Вполне вероятно, что Александр Титов, как и многие его сверстники, посещал публичные лекции «знаменитого Тимирязева» в Политехническом музее (куда с Владимиром Поповым, избравшим, между прочим, ту же специальность, они частенько хаживали), неизменно производившие

---

² Танеев П. В. Воспоминание о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 521.

на московскую молодежь неизгладимое впечатление. Как писал о своем опыте слушателя тимирязевских лекций тот же Танеев, «билеты можно было получить только после долгих ожиданий из-за большого количества желающих попасть на эти лекции. Оба раза аудитория была так переполнена, что, как говорят, негде было упасть яблоку. Лектор с трудом проходил на кафедру. При появлении его начинались шумные, длительные аплодисменты. Несмотря на волнение, Климент Аркадьевич прочитывал лекции блестяще и после них вызывал дружеский взрыв аплодисментов, переходящих в овации с выкриками приветствий и пожеланий»³.

Личность самого К. А. Тимирязева — ученого и гражданина, думается, также во многом повлияла на выбор Александром Титовым факультета. Из четырех факультетов Московского университета — историко-филологического, юридического, медицинского и физико-математического, свое предпочтение он отдал последнему, записавшись в число студентов его естественного отделения. Другой современник Титова, М. В. Сабашников, один из основателей знаменитого издательства братьев Сабашниковых, в 1892 г. стал слушателем физико-математического факультета, также выбрав своей специальностью биологические науки. В своих мемуарах он перечисляет золотую плеяду университетских профессоров, блестящие лекции которых ему довелось в ту пору слушать: «Зернов — анатомия человека, Анучин — антропология, Мороховец — физиология (Сеченов читал медикам старшего курса), Тимирязев — анатомия и физиология растений, Мензбир — сравнительная анатомия позвоночных, Павлов — геология и палеонтология, Сабанеев и Зелинский — химия неорганическая и органическая, Вернадский — минералогия и кристаллография и др.»⁴. Созвездие имен русских ученых — антрополог и географ Д. Н. Анучин, химик В. И. Вернадский, химик Н. Д. Зелинский, физиолог Д. Н. Зернов, биолог М. А. Мензбир, физиолог Л. З. Мороховец, геолог А. П. Павлов, химик А. П. Сабанеев, физиолог И. М. Сеченов, биолог К. А. Тимирязев, — они тогда своими исследовательскими достижениями олицетворяли отечественную науку. Учиться у многих из них посчастливилось и студенту Александру Титову.

Уже в первые дни своей студенческой жизни он сообщал отцу: «Наконец, я совсем устроился и вошел в колею. Занятия эту неделю идут уже совсем серьезно, да и дома придется заниматься немало. Профессора, вообще, рекомендуют много книг, и из них половина немецкие, так что мне читать не будет трудно. Кое-какие книги необходимо нужно будет выписать из Лейпцига, так как здесь их нигде не достать»⁵. А далее, после того, как поведал, что в Петропавловском училище, наконец, получил заслуженную медаль, заметил: «Я через своего бывше-

³ Там же.

⁴ Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1988. С. 160.

⁵ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1757. Л. 28 (письмо от 13 сент. 1897 г.).

го учителя познакомлюсь с профессорами зоологии»⁶. Это невольное признание и указывает нам на те приоритеты в науках, которые ставил перед собой начинающий студент. Учитель географии Петропавловского училища, немец Карл Гreve, очевидно, был знаком со многими университетскими профессорами, он же, кстати, сыграет немаловажную роль в научной биографии Александра Титова, когда снабдит его летом 1898 г. рекомендательным письмом в Зоологический институт Гейдельбергского университета.

Что же касается немецких книг, то, как выясняется, их своим слушателям рекомендовал, в частности, профессор К. А. Тимирязев. 1 декабря 1897 г. Александр, сообщая отцу, что успешно «разделался» с анатомией и анатомическим театром, добавлял: «С завтрашнего дня начну заниматься по ботанике. Вчера в самый раз получил из-за границы выписанную книгу. Если я ее пройду и проделаю большинство из указанных там препаратов, то у меня будут очень солидные знания по анатомии растений. Тут же подробно указано все обращение с микроскопом. Вообще, Тимирязев говорит, что лучше этой книги руководства не найти»⁷. Посещая знаменитые лекции К. А. Тимирязева по анатомии растений, Александр стремился индивидуальными практическими занятиями подкреплять полученные знания, причем, как видно, по некоторым сложным вопросам он консультировался у самого профессора. К этому времени Александр уже имел собственный отличный микроскоп, как, впрочем, и специальные инструменты для препарирования, приобретенные им для собственных учебно-исследовательских работ. Так что у него дома на Большой Дмитровке (кстати, это новый московский адрес Александра Титова: теперь он снимал комнату в доходном доме графа Г. И. Ностица; старинный особняк (д. 14) снесен в 2005 г.; в 2015 г. на его месте устроен сквер в память о выдающейся балерине Майе Плисецкой) имела своя маленькая лаборатория.

На лекциях профессора К. А. Тимирязева происходила закалка молодого ученого, становление его научного и гражданского мировоззрения. «Профессор-вольнодумец», отважно защищавший права студенческой молодежи и преподавателей, находился в постоянной оппозиции к университетской администрации, не желавшей мириться с его позицией убежденного демократа. Вследствие этого постоянно длящегося конфликта Тимирязев был лишен даже собственной аудитории для лекционных и практических занятий. Несмотря на это, его лекции в помещении, рассчитанном только на 80 мест, нередко собирали до 160–170 человек, причем, на эти выступления приходили студенты с разных курсов и даже факультетов⁸. О впечатлении, которое производили на университетского слушателя лекции Тимирязева, вспоминал один из его учеников — А. М. Касаткин: «Лекциям Климента Аркадьевича никогда не был

---

⁶ Там же. Л. 28–28 об.

⁷ Там же. Л. 48–48 об.

⁸ См.: Платонов Г. В. Климент Аркадьевич Тимирязев. М., 1955. С. 43.

присущ индифферентно-бесстрастный, академический тон официального курса... Давая образцы серьезной научной критики, Климент Аркадьевич воспитывал в своих слушателях привычки критического мышления, позволяющего отличить научный труд от его фальсификации... Слушатели Климента Аркадьевича видели перед собой бесстрашного борца, готового принять любой вызов противников и, во всеоружии огромной эрудиции и строгой критики, защищать и отстаивать свои научные убеждения»⁹. Другой ученик профессора, С. Л. Иванов, впоследствии ставший видным ученым, подчеркивал значение К. А. Тимирязева как выдающегося мыслителя: «На фоне других университетских учителей нас пленяла философская глубина научного анализа и широта его обобщений. Каждая мысль, изложенная Тимирязевым, доводилась им до логического конца, и нередко трудно было считать, что ты слушаешь только профессора-ботаника, а не философа»¹⁰.

Из всей массы посещавших лекции и занимавшихся в практикуме студентов К. А. Тимирязев особо выделил талантливую и весьма прилежного студента Александра Титова. Между профессором и учеником завязались доверительные и теплые отношения. По поводу итогового майского экзамена по анатомии растений Александр сообщал отцу: «Тимирязев на прошлом экзамене был со мной очень любезен, видно, что смотрит на меня как на занимающегося человека. У нас, должно быть, четвертая часть не держит экзамена, испугались бездны премудрости, — кто перебегает на другие факультеты, а кто остается на второй год»¹¹. Для Титова подобное отношение к делу, за которое он брался, было немислимо. Более того, он с увлечением занимался наукой, ставя в своей домашней лаборатории эксперименты, самостоятельно находя подтверждение положениям великого ученого о фотосинтезе растений, ловко изготовляя исследовательские препараты, в том числе по немецким методикам. Собираясь летом 1898 г. отправиться стажироваться в престижный Гейдельбергский университет, Александр заручился поддержкой своего бывшего гимназического преподавателя. Однако она оказалась не единственной. Другую рекомендацию ему дал сам Климент Аркадьевич Тимирязев. Извещая об этом отца, Александр писал: «проф[ессор] Тимирязев меня рекомендует главному ассистенту по ботанике»¹². И как знать, не явилась ли первая научная поездка Александра Титова за границу инициативой самого К. А. Тимирязева, обладавшего большими научными и дружескими связями со многими учеными в крупнейших научных центрах мира...

Впрочем, поступление Александра Титова на физико-математический факультет Московского университета подарило ему встречи и с другими виднейшими учеными, близкое общение с которыми, как показало буду-

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1771. Л. 42 (письмо без даты; очевидно, 22–23 мая 1898 г.).

¹² Там же. Д. 1761. Л. 91–91 об. (письмо без даты; очевидно, 8–9 мая 1898 г.).

шее, оказалось во многом определяющим для его научной судьбы. Таковым его учителем стал замечательный русский физик, профессор Николай Алексеевич Умов (1846–1914).

Природная любознательность и желание научного творчества интуитивно влекли Александра туда, где происходило подлинное созидание науки, где сама личность ученого, олицетворявшего собой целую научную область, располагала студентов к диалогу, совместному плодотворному творчеству. Так, уже в начале первого курса Александр Титов оказался в студенческом научном кружке под руководством Н. А. Умова. Вот как об этом он сообщал Ан. Ал. Титову: «В пятницу вечером у нас было собрание маленького физического кружка, кот[орый] составил[ся] из работающих в физич[еской] лаборатории — 8 студ[ентов], 2 ассист[ентов]. И председательствовал проф[ессор] Умов. Он на первый раз делал небольшой доклад, — причем, приходилось и мне несколько возражать, — в общем, было очень по-семейному, и я думаю, что для меня это будет очень полезно»¹³. Малочисленный научный кружок, где все обстоит «по-семейному», это ли не та идеальная питательная среда, только и способная взрастить молодого ученого, постоянно находящегося под чутким и внимательным оком своего доброжелательного учителя.

Опытного ученого и преподавателя Н. А. Умова к тому времени, когда с ним познакомился студент Александр Титов, в Московском университете можно было считать еще новичком. Сюда он пришел профессорствовать осенью 1893 г., когда перебрался из Одессы, где в местном Новороссийском университете проработал без малого 22 года. В Москве Н. А. Умову сразу же поручили читать курс математической физики, а затем опытной физики студентам физико-математического факультета. В 1896 г., после смерти крупнейшего отечественного физика, университетского профессора А. Г. Столетова, к Умову перешло заведование и физическим кабинетом. «В лаборатории Умова царил дух труда и воодушевления. Все работавшие в “лаборатории при физическом кабинете” (как называлась эта лаборатория официально), наверное, сохранили теплое воспоминание о часах, здесь проведенных»¹⁴, — писал А. И. Бачинский, начинавший работу в умовской лаборатории в то же самое время, что и Ал. Ан. Титов. Подчеркивая, что в отношениях между сотрудниками лаборатории и студентами отсутствовала всякая «официальная чопорность», Бачинский с большой благодарностью вспоминал и во всех отношениях выдающиеся лекции Н. А. Умова, которые собирали «огромное количество слушателей и производили неизгладимое впечатление. Подбором “эффектных” и поучительных опытов, редким умением выдвинуть общие точки зрения и очертить широкие научные перспективы, энтузиазмом естествоиспытателя, непоколебимо верующего в могущество науки, Николай Алексеевич захватывал внимание

---

¹³ Там же. Л. 99 об. (письмо без даты; очевидно, до 6 окт. 1897 г.).

¹⁴ Цит. по: *Гуло Д. Д.* Николай Алексеевич Умов. 1846–1914. С. 48.

аудитории»¹⁵. В декабре 1897 г. заслуженный ученый возглавил старейшее русское научное общество — Общество испытателей природы, к работе в котором он всегда стремился привлекать научную молодежь — физиков и химиков.

Свои замечательные воспоминания о профессоре Н. А. Умове оставил сын известного математика, профессора Московского университета Н. В. Бугаева, поэт-символист и писатель Андрей Белый (в студенчестве — Борис Бугаев), в 1899 г. поступивший на естественное отделение физико-математического факультета.

«Никогда не забуду, как однажды по взмаху его руки упали все занавески в физической аудитории: мы — остались во мраке; вспыхнул луч проекционного фонаря, с потолка спустилась веревка с гирею, которую раскачали тут же; и мы внятно тогда увидели на экране появление тени и отлетание тени; а мрак пропел голосом Умова: “Мы присутствуем при вращении земли вокруг оси”.

А как он готовил нас к событию обнародования трех принципов Ньютона! И, подготовив, вывесил гигантский плакат с аршинными буквами: “Principia, sive leges motus” (Принципы, или законы движения); войдя, мы ахнули; а он, подхвативши наш “ах”, с великолепною простотою, но образно, вскрыл нам ньютонову мысль.

Он вводил в суть вопроса, как жрец, сперва протомив подготовкою; взывал занавесь, и мы видели не историю становленья вопроса, а некую драму-мистерию; так, пленив нас вопросом, он углублялся уже в детализацию и раскрытие чисто математических формул.

Я потому останавливаюсь на Умове, как лекторе, что, пожалуй, из всех профессоров он был самый блестящий по умению сочетать популярность с научной глубиной, “введение” с детализацией: редкая способность!

И через двадцать лет, вспоминая его, я отразил Николая Алексеевича в стихах:

И было: много, много дум,
И метафизики, и шумов...
И строгой физикой мой ум
Переполнял профессор Умов.

Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает энтропию,—

Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновы вихри
И что огромные миры
В атомных силах не утихли...

¹⁵ Там же. С. 59.

Статьи Умова, касающиеся вопросов общей физики, не уступают классическим, цитируемым речам мировых ученых, — Томсона, Лоджа, Пуанкаре. Умов в лучшем смысле был не только философ, но и бард физики; он заставил и приучил меня на всю жизнь с глубоким трепетом прислушиваться к развитию физической мысли... [...]

Умов был вдохновителем и интерпретатором высот научной мысли.

Высокий, полный, седой, с огромным челом, с развевающимися «саваофовыми» власами, с прекрасной седой бородой и с мечтательными голубыми глазами, воздетыми горе, с плавно дирижирующей каким-то кием рукой, — кием или жезлом, которым он показывал то на доску, то на машины, приводимые в движение тоже в свое время знаменитым ассистентом Усагиным (Иван Филиппович Усагин (1855–1919) — ближайший помощник Умова в работах по оборудованию физического кабинета, механик, физик-самоучка¹⁶. — Я. С.), он — пел, бывало; и — некое “да будет свет” слетало с его уст. [...]

Таков он был на лекциях: крупная умница, свободная от ряда пред-
рассудков; он был смел предельно...»¹⁷.

Физик А. И. Бачинский (1877–1944), ученик и преемник Н. А. Умова на профессорской кафедре Московского университета, ставший крупным специалистом в области молекулярной физики и термодинамики, вновь вспоминал о годах своего ученичества: «В 1897–1899 гг. мне довелось слушать у Николая Алексеевича теоретическую (или математическую) физику. Он читал этот трудный предмет с замечательным искусством; изложение было очень точное, но сжатое — все в целях изложить как можно больше материала в отведенное время; в свой курс Н. А. вводил изложение результатов свежих научных исследований. Слушать его было истинным наслаждением». Бачинский особенно подчеркивал: «Лекции Николая Алексеевича были чрезвычайно обильны содержанием, не только опытным, но и теоретическим; чтобы следить за ними и усвоить их, надо было много напряжения и труда (на что, конечно, роптали иные из слушателей); но кто их усвоил, тот делался обладателем огромного умственного сокровища»¹⁸.

Тогда же, во второй половине 1890-х годов, Н. А. Умов вынашивал идею создания при Московском университете Физического института, не уступавшего бы по своему устройству первоклассным физическим институтам Европы, с работой которых ему довелось познакомиться в многочисленных заграничных командировках. Русский ученый так определял цели и задачи будущего научного центра: «Кроме обучения студентов, физический институт должен способствовать и развитию физической науки, он должен дать место и поставить в удовлетворительные условия как занятия про-

---

¹⁶ См. о нем: Иван Филиппович Усагин: Сборник. М., 1959; Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1959. Т. 2. С. 294; *Согрешилин В. И.* Усагин Иван Филиппович. М., 1966.

¹⁷ *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 80–82.

¹⁸ Цит. по: *Гуло Д. Д.* Николай Алексеевич Умов. 1846–1914. С. 290.

фессоров, так и начинающих молодых ученых, а также ученых из других русских университетов. [...] Наконец, физический институт должен быть в состоянии воспроизвести всякое новое открытие и исследование». Сетую на то, что молодые русские физики «для утилизации своих способностей и познаний должны большей частью обращаться к учреждениям Запада», Н. А. Умов решительно настаивал: «Такое положение, несогласное ни с обязанностями, ни с достоинством русской науки, должно окончиться. [...] Учреждение в Москве Физического института, согласно всем требованиям, предъявляемым современной наукой, соответствовало бы и действительно назревшим потребностям, и тому значению, которое имеет в деле просвещения России Московский университет»¹⁹.

Из маленькой «лаборатории при физическом кабинете», размещавшейся в нескольких тесных и темных комнатах старенького ректорского домика, со временем вырос целый Физический институт. Его великолепное здание, заложенное в 1898 г., было открыто летом 1903 г. Начиная в лаборатории Н. А. Умова свои первые в науке шаги студент-первокурсник Александр Титов, после успешной защиты в Германии диссертации, возглавит по приглашению своего учителя лабораторию физической химии нового Физического института.

Во французских бумагах Ал. Ан. Титова сохранилась краткая характеристика, данная им Николаю Алексеевичу Умову, записанная со слов Титова, когда он был уже тяжело больным и не мог сам писать. «Ординарный профессор физики Умов, чрезвычайно гуманный, благожелательный к начинающим ученым и вполне доступный, и всегда дающий исчерпывающий ответ на вопросы работающего в его лаборатории. Он, несмотря на занятость на лекциях и в лаборатории, всегда находил время для сближения работающих у него студентов и ассистентов, приглашая к себе на чашку чая». Эти душевные воспоминания Александра Андреевича о своем учителе в равной степени относились и ко времени его научной деятельности в Физическом институте, и к его студенческой поре.

Близость Александра Титова к Н. А. Умову, которая постепенно переросла в теплую дружбу учителя и ученика, уже с самого начала их общения стала приносить свои заметные творческие плоды. Студент Титов выступил в качестве издателя курса физики, читавшегося Умовым на факультете («Курс физики. Механика, молекулярная физика, теплота». М., 1898, т. 1), тираж которого был напечатан литографическим способом (для этого, между прочим, использовались остатки типографской бумаги на московском складе Титовых, образовавшиеся от печатания афиш и этикеток для цикорной фабрики). Подобная исключительная практика содействия со стороны некоторых студентов своим профессорам в университете имела место, проистекавшая из-за невозможности лекторов обеспечить своих слушателей текстами новейших лекционных курсов. От этого страдали, в первую очередь, сами студенты, лишенные возможности качественно

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 53–54.

прорабатывать предметы и успешно готовиться к итоговым экзаменам²⁰. Известный физик академик П. П. Лазарев, а в ту пору студент медицинского факультета, где Н. А. Умов также читал лекции по физике, вспоминал: «Умов не печатал курса экспериментальной физики медицинского факультета. Его курсы издавались в виде литографированных конспектов, которые хотя и были записаны лучшими студентами и потом исправлены Умовым, все же не воспроизводили полностью его лекций. Значительно лучше были издания курса физики на математическом факультете, и наиболее интересующиеся студенты-медики часто пользовались этими более подробными курсами, которые были достаточно элементарны, чтобы быть понятыми медиками»²¹. Можно легко представить, какую колоссальную работу пришлось проделать студенту Титову, подробно записывавшему лекции профессора, ибо объем литографированного издания конспекта составил 738 (!) страниц.

Причем, следует оговориться, само положение студента-издателя совершенно не несло ему никаких академических привилегий. Наоборот, вследствие этого почетного доверия со стороны Н. А. Умова Александр Титов ощущал свою особую ответственность. Во время экзаменационной сессии в мае 1898 г. он писал отцу: «Теперь в понедельник самый серьезный экзамен — физика, и я с завтрашнего дня начинаю ею заниматься. Мне хочется пройти все подробно, потому что как издатель я должен знать хорошо. Одним словом, если попаду отвечать к Умову, то могу по билету и не отвечать, а выбрать самое трудное и интересное из курса и отвечать»²².

11 мая состоялся тот самый примечательный экзамен, и Александр описал его в подробностях своему отцу: «Сейчас я вернулся с экзамена физики. Мне очень хотелось сдать у Умова, который меня как издателя и спрашивать бы не стал, а так поговорили бы о чем-нибудь другом. Но около него все места были заняты, и пришлось идти к ассистенту. Представь себе, так сидят оба они рядом за столом — Умов слева, а тот справа. Тот меня подзывает отвечать, я сажусь рядом, а Умов в это время экзаменует моего товарища. Но когда я стал отвечать, то Умов все больше слушал, как я отвечаю. Потом я моментально кончил (опять первым). Тот мне поставил 5. Когда я ушел, Умов спрашивает, хорошо ли, мол, отвечал,

²⁰ Согласно воспоминаниям М. В. Сабашникова, повествующим о профессорской среде Московского университета начала 1890-х годов, «только один Зернов выпустил в свет свой курс. Записки Вернадского впервые выпускались студентом нашего курса, многообещавшим Клушенцевым, к сожалению, скончавшимся до окончания университета. Да Столетов выпустил конспект по свету, которым мы пользовались при сдаче экзаменов. В остальном приходилось довольствоваться собственными записями в тетрадях да книгами, иногда по объему и содержанию далеко не отвечавшими нашим потребностям. Говорили, что некоторые профессора невыпуск ими курсов мотивируют желанием заставить студентов посещать их лекции (*Сабашников М. В.* Воспоминания. С. 160, 162).

²¹ *Лазарев П. П.* Н. А. Умов. (Биография) // *Лазарев П. П.* Сочинения. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 793.

²² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1761. Л. 90 об. (письмо без даты; очевидно, 8–9 мая 1898 г.).

и сколько вы ему поставили. Тот показывает ему мой балл и говорит — очень хорошо, если вы находите, что это мало, то я могу еще прибавить. Но Умов, конечно, уже выше пятерки прибавить не мог. Теперь пойду к нему завтра, отнесу книгу. Очень приятно, что он так хорошо ко мне относится. Впоследствии он мне много может помочь при занятиях, т.к. играет главную роль в физическом кабинете, а также состоит председателем общества испытателей природы»²³.

Что же касается ассистента профессора Н. А. Умова, имя которого Александр умолчал в своем письме, то это был еще молодой, но уже авторитетный ученый, приват-доцент физико-математического факультета Петр Николаевич Лебедев (кстати, как уже отмечалось выше, также выпускник немецкого Петропавловского училища). «Я помню, — рассказывал академик П. П. Лазарев, — что когда мне пришлось экзаменоваться по физике на 1-м курсе медицинского факультета, у нас было два экзаменатора — Н. А. Умов и П. Н. Лебедев, и я живо помню, как уже после первых четырех ответов у того и другого студенты сразу определили, что Умов является добрым экзаменатором, а Лебедев строгим, в соответствии с этим образовалась большая очередь экзаменующихся у Умова, а к Лебедеву студенты шли очень неохотно»²⁴. Выдающаяся диссертация П. Н. Лебедева на соискание степени магистра физики, представленная в Совет университета в 1899 г., по предложению Н. А. Умова и при поддержке К. А. Тимирязева, была удостоена, минуя магистерскую, сразу докторской степени, а ее соискатель утвержден в звании экстраординарного профессора Московского университета. Это было редчайшим явлением в практике российских университетов.

Андрей Александрович Титов, безусловно, испытывавший радость за успехи сына, все же, очевидно, не был готов к тому, что Александр все больше времени уделял науке, что, как ему казалось, только поспособствует его отдалению от семейного бизнеса и той конечной цели, ради которой он и поступал в университет — практической пользы научных знаний для хозяйствования. Не высказывая сыну впрямую своих опасений, отец нередко пытался под различными предлогами «затащить» его в Ростов, или даже, как было в данном случае, убедить его отложить намеченную поездку за границу. Хотя сколько-нибудь серьезных оснований, с точки зрения Александра, к тому не находилось. «Ты все пишешь мне, чтоб я отсрочил свою поездку за границу, — досадовал младший Титов, — но ведь это прямо невозможно. И так я уже еду очень поздно, и мне там придется много догонять, чтоб сравняться в работе, притом же, я написал профессорам, что приеду 18-го (т.е. 6-го по «старому» стилю, принятому тогда в России. — Я. С.) и, следовательно, будет крайне неловко с моей стороны, и даже могут не оставить мне места, — придется еще хлопотать». В довершение Саша задиристо добавлял: «Вообще, если уж работать, то работать как

²³ Там же. Д. 1758. Л. 10–11 (письмо без даты; установлено: от 11 мая 1898 г.).

²⁴ Лазарев П. П. Н. А. Умов. (Биография). С. 808.

следует»²⁵. В этой демонстрации твердости характера Александра Титова было и стремление отстоять свою суверенную независимость, и упрямое желание довести задуманное дело до конца. Признаем же, что это отнюдь не маловажные качества для созревания настоящего ученого.

Задержавшись на сутки в Берлине, уже 7 июня Александр был в Гейдельберге. И снова, как и год назад, его компаньоном в заграничной поездке оказался Володя Попов — студент Рижского политехнического института. Очевидно, друзья, впервые побывав здесь в августе 1897 г. и пленившись красотой древнегерманского города и его старинным, знаменитым на всю Европу университетом, пообещали себе, что непременно вернуться сюда. Тем более, что обоими двигали научные интересы, и им страстно хотелось «вкусить» подлинной немецкой науки.

Гейдельбергский университет, основанный в 1386 г., для немцев — то же, что и Оксфорд для англичан. Сюда на протяжении веков стремились попасть студенты из многих уголков Европы, а с середины XIX века, когда после смерти императора Николая I «двери отворились настежь и вся Россия ринулась за границу»²⁶, в Гейдельберг устремились и русские. Вспомним тургеневских «Отцов и детей»... «И Кукушкина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге [...] якшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью»²⁷. У И. С. Тургенева, сторонника постепенного реформирования России, был свой счет к радикальной революционной молодежи, заполонившей тогда европейскую научную Мекку и внимавшей лондонскому «Колоколу» бунтовщиков Герцена и Огарева. Впрочем, не из-за одного только диссидентства ехала сюда русская молодежь. Многие хотели набраться опыта европейской науки, подышать воздухом научно-общественной жизни Европы.

В ту эпоху европеизации русской науки в Гейдельберге жили и работали знаменитые ученые-естествоиспытатели — физиологи Я. Молешотт и Г. Гельмгольц, химик Р. Бунзен, физик Ф. Кирхгоф, зоолог Г. Бронне. Свои знаменитые лекции здесь читал историк Ф.-К. Шлоссер, автор 19-ти томной «Всемирной истории», труды которого были особенно почитаемы в России. Еще молодыми людьми в Гейдельбергском университете побывали известные русские ученые — химик и композитор А. П. Бородин, историк С. В. Ешевский, химик Д. И. Менделеев, историк литературы А. Н. Пыпин, физиолог И. М. Сеченов, историки С. М. Соловьев и М. М. Стасюлевич,

---

²⁵ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1771. Л. 41 об.—42 (письмо без даты; очевидно, 22–23 мая 1898 г.).

²⁶ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Путешествие за границу. М., 1932. С. 21.

²⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1981. Т. 7. С. 187 (глава 28).

биолог К. А. Тимирязев, юрист и историк Б. Н. Чичерин²⁸. Климент Аркадьевич Тимирязев вспоминал, что, посещая в Гейдельберге лекции и занимаясь в лабораториях Кирхгофа, Гельмгольца и Бунзена, он «сидел на одной университетской скамье с русской женщиной», имя которой вскоре стало известно всей Европе, — Софьей Ковалевской²⁹.

Утопающий в зелени университетский город, своим изысканно-строгим видом олицетворяющий эпоху германского романтизма, был идеальным местом для научного и философского уединения. Развалины средневекового замка, старинная студенческая трапезная, готический собор Святого Духа, ажурная церковь иезуитского монастыря, удивительной красоты средневековый мост — Альтебрюкке (Старый мост), соединяющий два берега реки Неккар. Украшенный скульптурами и остроконечными башенками, он удивительным образом напоминал знаменитый пражский Карлов мост. И действительно, воздвигнутые, приблизительно, в одно и то же время, эти два чуда-моста были придуманы одним и тем же гением-архитектором. Пройдя по мосту на противоположный берег, можно было подняться на довольно высокий горный склон, тянувшийся вдоль всего города по берегу реки. Здесь, под зелеными кронами деревьев, спряталась знаменитая «философская тропа», известная еще с тех самых романтических времен, когда по ней прогуливались философы и поэты, откуда весь город виднелся как на ладони...

Обосновавшись в Гейдельберге, Александр и Владимир поселились в прекрасном месте и, по всей видимости, аккуратно неподалеку от той самой «философской тропы»: «Дом наш стоит почти на краю городка, так как сзади горы, и сад подымается прямо кверху, очень круто, дом стоит на площадке, которая тоже высечена в горе. Так что местность очень хорошая»³⁰.

В письме от 9 июня из Гейдельберга Александр сообщал Ан. Ал. Титову свои первые впечатления: «Третьего дня приехали мы в Гейдельберг, как раз в воскресенье, и посвятили почти весь день на спанье, так как устали ехать целую ночь. Вчера отправился я в университет, или вернее, в зоологический институт, имея с собой письмо от Греве, моего бывшего учителя. Заявился прямо к ассистенту, представился ему, и он оказался очень любезен, обещал устроить и сказал, что профессор уже поминал обо мне, т.к. я писал ему письмо. Подождал я там профессора, но вчера он не был, так как было торжество освещения новой обсерватории. Город был весь украшен, мы пошли на главную улицу, и видели, как проезжал герцог Баденский с супругой — очень благообразный старичок»³¹. В тот же день Александр вновь намеревался посетить Зоологический институт: «Сейчас отправляюсь представляться профессору Бютшли (это очень известный

²⁸ См. главу «Русские в Гейдельберге» в кн.: *Итенберг Б. С.* Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999. С. 83–103.

²⁹ Там же. С. 100–101.

³⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1758. Л. 22 (письмо от 16 июня 1898 г.).

³¹ Там же. Л. 19–19 об. (письмо от 9 июня 1898 г.).

господин, называется “царем простейших животных”, которыми он специально занимается). Называть его следует “господин тайный советник”³².

Отто Бючли (Butschli) (1848–1920) — крупнейший немецкий зоолог (протозоолог), стал профессором Гейдельбергского университета в 1878 г. — в год рождения Саши Титова. Всю свою жизнь он изучал простейших животных — насекомых, червей, брюхоногих, за что и снискал в научной среде титул «царя» над этой малой живностью планеты. Известный ученый работал в области цитологии и протистологии, ряд его работ был посвящен исследованию строения протоплазмы. «Господин тайный советник» Бючли являлся автором капитального труда «Простейшие» (1882–1889), позднее были опубликованы его «Лекции по сравнительной анатомии» (1910–1934)³³. К знаменитому зоологу в Гейдельберг приезжали стажироваться многие молодые или уже опытные ученые из разных стран мира, в том числе и из России. Между прочим, годом ранее — в 1897 г. — стажировку у Отто Бючли прошел выпускник Санкт-Петербургского университета биолог С. И. Метальников (1870–1946), — впоследствии известный ученый, руководивший лабораторией в Пастеровском институте в Париже, ближайший приятель и коллега Ал. Ан. Титова по годам эмигрантской жизни во Франции.

Практиковаться у Бючли не то что начинающему студенту, но и состоявшемуся ученому, раз и навсегда посвятившему себя «простейшим», была великая честь. Выбор Александром Титовым научной сферы, в которой он хотел усовершенствовать свои познания, прикоснувшись к европейской науке, указывал на то, что свое научное будущее он все еще связывал с биологией и с близкими к ней научными сферами.

В середине июня Александр извещал своего отца о ходе учебных занятий в университете: «Сейчас пришел из зоологического института, где бываю ежедневно (кроме субботы и воскресенья) до 7-ми часов вечера. Занятия идут на лад. Курс проходится очень основательно, делаем микроскопические препараты и все зарисовываем. Затем раза два в день заявляется сам тайный советник Бючли и начинает экзаменовать, все ли поняли, заставляет рисовать на доске, а многое сам объясняет и рисует. Кроме того, все время просматривает наши работы ассистент его, молодой профессор. В общем, я очень доволен, что сюда поехал. Так хорошо работать в России никогда не научишься. Здесь занимаются очень много, и требуют все как следует»³⁴.

Это «системное» открытие привело начинающего ученого в восторг,

---

³² Там же. Л. 20 об.

³³ См. об О. Бючли подробнее: Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 9. С. 298–299; *Мензбир М. Бючли* // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 7. Стб. 437–440; Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958. Т. 1. С. 130; Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 4. Стб. 620; Биологи. Биографический справочник / отв. ред. Ф. Н. Серков. Киев, 1984. С. 114.

³⁴ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1758. Л. 21–22 (письмо от 16 июня 1898 г.).

и он с головой погрузился в исследовательскую работу. В другой корреспонденции к отцу Александр с восхищением писал: «Пока занятия идут успешно. Сделал такие препараты, которых в Москве никто и не видывал. Об одном способе, может быть, напишу заметку в зоологич[ескую] газету или в какой-нибудь другой журнал»³⁵. А спустя еще десять дней он заключал: «Я очень доволен, что понюхал немецкой науки, у нас в университете люди работают, работают, а и половины того не сделают, так как нет той системы практических занятий по зоологии, да и профессора не заботятся о студентах, как здесь»³⁶.

В лаборатории Отто Бючли Александр Титов приобретал вкус к живой и экспериментальной науке, к которой уже давно испытывал уважительное почтение. Здесь, где все было технически продумано и удобно для работы исследователя, а комфортная человеческая атмосфера располагала к творческому раскрепощению и полету мысли, он воочию убеждался в преимуществах «немецкой системы» труда естествоиспытателя. Многие часы подряд проводя над постановкой научного эксперимента и получая от его зримых результатов удовлетворение, — главное, что выносил из своего опыта Александр: он легко и органично вписывался в эту новую для него систему ценностей и отношений. Похоже, и профессор Бючли был весьма доволен своим пытливым практикантом из России. Как бы опровергая тургеневский скептический взгляд на русскую колонию в Гейдельберге, Саша писал Ан. Ал. Титову: «Ты спрашиваешь, как здесь относятся к русским. Здесь у Бючли всего 9 практикантов, из них 4 русских (кроме нас двое), 3 немца и 2 англичанина. Собственно, занимаются много одни русские, а другие себя не утруждают, т.е. работают полдня. Сегодня, в воскресенье, там никаких занятий нет, в субботу же только до 2-го часа»³⁷. Впрочем, и по выходным дням Александр и Владимир тоже времени зря не теряли. Они регулярно отправлялись на прогулку в ближайшие горы, — а, по сути, в этимологическую экспедицию, — где отыскивали для своих научных экспериментов всевозможных жуков и насекомых.

Так незаметно пролетели два летних месяца 1898 года. Лишь однажды тихое гейдельбергское сидение двух друзей было всколыхнуто неожиданным явлением к ним московских гостей — Николая Александровича Попова с женой («очень обрадовали нас своим посещением»), остановившихся на день и проследовавших далее в Швейцарию, в Цюрих, где их уже поджидала находившаяся там О. Т. Попова.

Да еще Александра Титова неизменно заботили дела ростовской цинкорной фабрики, сведения о которой присутствуют практически во всей переписке отца и сына этого — студенческого — периода. Отправляясь в Германию, он намеревался посетить и городок Гейльбронн (Хайльбронн), расположенный неподалеку от Гейдельберга, где находился знамени-

³⁵ Там же. Л. 24 (письмо без даты; очевидно, 25 июня 1898 г.).

³⁶ Там же. Л. 17 об. (письмо от 5 июля 1898 г.).

³⁷ Там же. Л. 18—18 об. (письмо от 5 июля 1898 г.).

тый завод Вагнера, выпускавший отличное оборудование для кофейного и цикорного производств. О результатах своей ознакомительной поездки Александр подробно сообщал отцу в письме от 23 июля: «На этой неделе я ездил специально в тот город, где существует завод, приготавливающий машины на лучшие цикорные фабрики. Оказывается, что самовыкатывающийся аппарат для обжиги кофе изобрел один приказчик на цикорной фабрике, но так как цикорий в обжиг поступает неравномерной сухости, то для цикория этот аппарат неприменим. Селиванов только потому получает хорошие результаты, что тихое пламя каменного угля обжаривает ровнее. Но вообще, эта система неприменима. Здесь же существует гораздо более остроумная система (изобретенная этим фабрикантом), которая применяется на всех больших заводах. Барабаны — такие же, как у нас, но короче и шире. Цикорий засыпается в верхний барабан и здесь только слегка обжаривается, затем поступает в нижний барабан, где готов через ½ часа, или несколько долее. Отопление, разумеется, каменным углем. Теплота идет сверху и здесь обходит верхние барабаны, так что очень хорошо утилизируется. Такая печь с 4-мя барабанами стоит 1320 руб. и весит 350 пуд[ов]. Производительность: выпускает от 150—160 пуд[ов] готового товара. Угля идет 10 пуд[ов] в день. Эти барабаны поставлены на всех лучших заводах. Прекрасный товар. Напр[имер], «Венский» гораздо лучше, чем у Бома, а наш против него никуда не годится. Еще прекрасная машина для набивки пакетов, которая сама развешивает и насыпает пачки, остается только их вставлять и потом заклеивать. Обо всем подробно поговорим в Ростове...»³⁸.

Под занавес своего заграничного путешествия друзья некоторое время провели в Цюрихе, где, вероятно, присоединились ко все еще отдохавшей там матери Владимира — Ольге Тимофеевне Поповой, а затем отправились на пару дней полюбоваться красотами изысканно утонченной Вены. Уже в середине августа Александр Титов был в родном Ростове Ярославском...

Вернувшись из Германии почти состоявшимся «протозоологом», Александр, очевидно, и в дальнейшем планировал продолжать специализироваться в области «простейших». Однако неизвестно, как на самом деле сложилась бы в будущем его научная судьба, если не два существенных обстоятельства, коренным образом изменивших ее, казалось бы, уже predetermined ход. Первым из них оказалось более тесное сближение и сотрудничество студента-второкурсника с профессором Н. Д. Зелинским, читавшим на факультете курс органической химии и проводившим свои знаменитые практикумы по количественному и качественному анализу. Другое кардинальное обстоятельство — студенческие волнения, захлестнувшие Московский университет зимой-весной 1899 г. Печальна была участь многих молодых людей, для которых Alma mater навсегда закрыла свои двери.

---

³⁸ Там же. Д. 1771. Л. 72—73 (письмо от 23 июля 1898 г.).

Николай Дмитриевич Зелинский (1861–1953) — химик-органик с мировым именем, еще один из столпов отечественной науки, блиставший на физико-математическом факультете Московского университета (где трудился с 1893 г.), создатель в годы Первой мировой войны угольного противогаса, советский академик и Герой Социалистического Труда³⁹. В конце 1890-х годов Н. Д. Зелинский, по словам А. Белого, «являл тип профессора, приподымавшего преподавание до высотных аванпостов науки: тип “немецкого” ученого в прекраснейшем смысле...»⁴⁰. В его-то науке Александр Титов и встретил на родной почве ту идеальную «систему», которой был очарован в немецком университете.

Благодаря необычайно живым и ярко-образным мемуарам Андрея Белого мы имеем уникальную возможность, сокращая время и расстояние, проникнуть в творческую атмосферу университетской лаборатории профессора Н. Д. Зелинского. Воспоминания и тонкие наблюдения бывшего студента Бориса Бугаева-Белого тем более для нас ценны, так как всего лишь двумя годами ранее ту же школу практических занятий проходил и герой нашего повествования — студент Александр Титов... «Не в лекциях профессора был центр курса: в лаборатории; лекции вне занятий его — транспарант, на котором начертывались ретуши к рисунку: снимите такой лист с рисунка — штришки; наложите его на рисунок: они изменяют рисунок.

Лабораторные занятия по качественному анализу — обязательны для второкурсников; обязательность была не формальна — реальна: она отнимала не менее полугодия, максимум — год ежедневных сидений в лаборатории; курс — путеводный план при занятиях. Курсы Зелинского прочно вращались в наши лабораторные занятия; лаборатория вращалась в курсы; слагалась нерасплетаемость теории с практикой; у Зелинского мы приобретали навык к работе; Мензбиру и Умову можно было сдать экзамен, и не отсиживая в их рабочих ячейках.

Проходя качественный анализ у Н. Д. Зелинского, мы ходили настоящими химиками пусть хоть месяц; вне этого не могли сдать зачета; он мягко, но твердо гнал нас сквозь химический строй; в воспитании умения хоть немного понюхать научного пороха огромная заслуга профессора. [...]

Все работавшие у Зелинского увлекались задачами, лабораторной техникой, лабораторией, где мы в хорошем значении слова представлялись себе в отношении срока работ и количества их; хоть дана была норма не ма-

³⁹ См. о нем: *Юрьев Ю. К., Левина Р. Я.* Жизнь и деятельность академика Николая Дмитриевича Зелинского. М., 1953; *Нилов Е.* Зелинский. М., 1964 (Серия: «Жизнь замечательных людей»); *Мусамбеков Ю. С., Черняк А. Я.* Выдающиеся химики мира: Биобиблиографический указатель. М., 1971. С. 313–319; *Богатский А. В., Лазурьевский Г. В., Нирка Е. А.* Н. Д. Зелинский (1861–1953). Страницы жизни и творчества. Кишинев, 1976; *Зелинский А. Н.* Академик Н. Д. Зелинский. М., 1981; *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Химические науки. Биографический словарь. СПб., 2004. С. 85–86.

⁴⁰ *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 404.

ленькая, но успешные могли удвоить, утроить ее; никто не препятствовал, не торопил или не замедлял, не окидывал нас оком следователя: посещаем, не посещаем ли лабораторию; учет велся; задача была зарегистрирована; но стиль прохожденья учебы был нам дружелюбный: и отношения между профессором, нами, его лаборантами в целом прекрасно слагались; лаборатория становилась домом, куда нас влекло. [...]

Лабораторная жизнь была жизнь, чреватая впечатлениями, опасениями, радостями: “жизнь”, а вовсе не отбывание зачета; чувствовалась умелая мягко-строгая рука Зелинского; и требовательный экзамен-зачет проходил незаметно; не режущим, а дружелюбно внимающим казался Зелинский.

Он выжимал из нас знание, а мы не вызубривали; готовиться к экзамену у него нам порою казалось нелепостью: готовились в лаборатории, в ежедневных буднях, которыми с мягкой настойчивостью обставлял он нас всех; принуждены же не чувствовали; химию знали лучше других предметов; если бы другие профессора умели присаживать так к прохожденью предмета, то средний уровень знаний повысился бы.

Строгий, мягкий, приятный, нелицеприятный, высоко державший преподавание, — таким видится Николай Дмитриевич⁴¹.

Знаменательно, что в качестве эпиграфа к своей докторской диссертации, защищенной в 1891 г., Н. Д. Зелинский взял слова знаменитого немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта (1769—1859), который утверждал: «Законы природы должны быть не изобретаемы а ргіогі, но открываемы наблюдением». Эта научная и философская аксиома явилась профессиональным и жизненным кредо и для русского ученого, «мягко-строга» прививавшего ее своим ученикам. В 1898 г., когда студент 2-го курса Александр Титов проходил «сквозь химический строй» лаборатории Зелинского, ученый вплотную подошел к изучению явлений катализа. Именно с этого момента проблемы каталитической реакции в стенах Московского университета успешно стали разрабатываться как самим Н. Д. Зелинским, так и школой его многочисленных последователей.

Тема докторской диссертации Александра Титова, защищенной в Лейпциге у Вильгельма Оствальда в 1903 г., была посвящена изучению явления отрицательного катализа. А рекомендовал своего лучшего студента немецкому физико-химику с мировым именем, будущему Нобелевскому лауреату, именно Николай Дмитриевич Зелинский. Однако этому предшествовали особые обстоятельства, перевернувшие нормальное течение академической жизни Московского университета в начале 1899 г...

Поводом к волнениям студенческой молодежи во всероссийском масштабе послужили события 8 февраля в Санкт-Петербурге, где мирная колонна демонстрантов-студентов подверглась форменному избиению отрядом конной жандармерии — с увечьями, арестами и высылками из столицы. В последовавшем вскоре заявлении петербургских студентов, разлетевшемся по всем российским весям, говорилось: «Мы

---

⁴¹ Там же. С. 405—407.

возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство. Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский университет закрытым... Мы не откроем университета до тех пор, пока нам не будут даны гарантии личной неприкосновенности»⁴². Петербуржцы сформулировали то, что на себе испытывал практически каждый российский студент, нравственно и морально унижаемый засильем позорной системы учебных инспекторов и их помощников — «педелей» (от нем. *pedell*) — нередко малограмотных младших служителей инспекции, прямая функция которых была слежка, подслушивание и доносительство начальству о поведении и толках студентов. Взрыв получился колоссальный — первая Всероссийская студенческая забастовка (под таким названием волнения 1899 г. вошли в историографию) охватила 30 высших учебных заведений страны, в которой приняли участие 25 тысяч студентов⁴³.

Уже 15 февраля к всеобщей забастовке присоединились студенты Московского университета. Избранный из числа наиболее активных участников протеста Исполнительный комитет, возглавивший студенческое движение, свои требования к университетской администрации, исходя из воззвания петербуржцев, сформулировал следующим образом: «1) гарантия физической неприкосновенности личности; 2) опубликование в стенах Ун[иверсите]та той инструкции, которой руководствуется полиция в своих отношениях к ст[удент]ам; 3) обжалование неправильных действий полиции обычными судебными порядками»⁴⁴. Однако ожидаемого диалога студентов и властей не получилось. Как только эти требования были обнародованы, немедленно по распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова и министра внутренних дел И. Л. Горемыкина начались исключения из университета, аресты и высылки студентов за пределы Москвы. Причем, воспитательная акция устрашения носила повальный характер, без особого разбора на «виновных» и «невиновных», и, как обычно, свою постыдную роль тут с особым рвением исполнили ненавистные студентам «педеля».

Некоторая надежда на высочайшую справедливость забрезжила в конце

⁴² Цит. по: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. М., 1971. С. 32–33.

⁴³ Там же. С. 33.

⁴⁴ Цит. по: *Соломонов В. А.* Об участии московского студенчества в первой Всероссийской студенческой забастовке 1899 г. // Вестник Московского университета. Сер. «История». 1994. № 2. С. 28. См. также: *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 321–361 (глава X: «Начало периода “Бури и натиска”»). По приведенным в этой книге данным, уже 16 февраля «естественники II курса» включились в движение: «Была сходка в химической лаборатории (80 чел.). Объявлена забастовка. Лекция Умова не состоялась» (с. 341); 17 февраля: «Депутации к Умову, Мензбиру, Тимирязеву. Лекция Зелинского не была» (с. 342).

февраля, когда в «Правительственном вестнике» появилось сообщение о назначении специальной комиссии под председательством генерал-адъютанта П. С. Ванновского, которой вменялось расследование всех обстоятельств, повлекших студенческие беспорядки в С.-Петербурге. В этой связи студенты-москвичи, обращаясь к университетской профессуре, в большей своей части сочувственно относившейся к требованиям молодежи, заявляли: «Московское студенчество находит, что поручение разбирательства дела комиссии Ванновского и опубликование этого удовлетворяет выставленным просьбам и считает дальнейшую забастовку на этой почве ненужной и несогласной с волей Высшей власти. Оно, однако, не может приступить к правильным университетским занятиям, пока не будут удовлетворены его требования, разрешение которых не лежит на комиссии ген.-ад. Ванновского по его собственному заявлению петербургским студентам. На этой почве мы нравственно обязаны продолжать забастовку...»⁴⁵.

2 и 3 марта с разрешения ректора Московского университета профессора Д. Н. Зернова в актовом зале состоялись две общеуниверситетские сходки. В результате бурных обсуждений было принято решение о временном прекращении забастовки, хотя от посещения лекций студенты по-прежнему воздерживались «до тех пор, пока не будет 1) обещано возвращение всех уволенных и высланных товарищей; 2) обещано ходатайство перед высшими инстанциями о пересмотре прав инспекции, и не будет выработана на ближайшем заседании правления инструкция низшим органам последней»⁴⁶. 4 марта профессор Д. Н. Зернов, пользовавшийся заслуженным уважением и авторитетом в студенческой среде, в своем ректорском кабинете принял выборную делегацию от студентов. Внимательно и с участием выслушав молодых людей, он под честное слово пообещал исполнить оба предъявленных требования. Более того, ректор разрешил провести курсовые собрания, на которых студенты сами могли бы сформулировать предложения и рекомендации по составлению инструкции низшим чинам инспекции.

Об отношении Александра Титова к происходившим в университете событиям мы узнаем из его переписки с отцом. Как только результаты переговоров с ректором стали известны, он отправил Андрею Александровичу короткую телеграмму: «Завтра занятия, торжествуем»⁴⁷. Всего три слова, но в них ощутим учащенный пульс момента. В одной фразе сплелись — и солидарность в противостоянии полицейско-административному режиму, и горячее желание академического порядка. В тот же день в своем письме на родину ростовец конкретизировал: «Милый папа! Вследствие сильного давления сверху в нашу пользу (имеется в виду назначение комиссии Ванновского. — Я. С.) на этот раз мы выиграли дело. Ректор разрешил

---

⁴⁵ Цит. по: Там же. С. 29–30.

⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 29.

⁴⁷ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1771. Л. 43 (телеграмма от 4 марта 1899 г.).

и поощрил сходки, и теперь производится голосование по курсам. Он дает честное слово, что все будут возвращены, и что он примет все зависящ[ие] от него меры к ограничению педелей и т.д.; мы же, с своей стороны, прекращаем забастовку. Все курсы голосовавшие (и наш в том числе) высказались большинством за возобновление занятий. Окончат[ельное] решение завтра. Ура!»⁴⁸.

На следующий день, 5 марта, в университете состоялись курсовые сходки, и Александр сообщал отцу об их результатах: «Большинством, 1100 прот[ив] 625 гол[осов], решено прекратить забастовку. Условия: возвращение всех товарищей без всякого огранич[ения] их прав. Пересмотр педелей и вообще инспекции. Гарантировал ректор своим честн[ым] словом. Завтра начало занятий. Собираются деньги в пользу студентов пострадавших. Сообщи, сколько дать от тебя»⁴⁹. Последняя фраза демонстрирует, насколько глубоко были либеральные чаяния самого Андрея Александровича Титова, сочувствовавшего студентам в их нравственной борьбе. Оттого естественный вопрос сына отцу о помощи гонимым звучал предельно лаконично и по-купечески весомо: «сколько?»

Однако, как показали уже совсем скоро последовавшие события, торжествовать было слишком рано. То ли от захлестнувших сильных переживаний, то ли еще от каких причин, но порядочный и неискушенный в административной работе ректор Д. Н. Зернов (занимал этот пост в 1898—1899 гг.) серьезно заболел и слег. И уже 8 марта, в понедельник, исполняющим обязанности ректора был назначен его помощник — профессор А. А. Тихомиров. Студенты не любили Тихомирова, и он, обычно прикрываясь позой благостного «шармерства», не церемонился с ними.

Андрей Белый, сравнивая в своих блистательных воспоминаниях двух университетских профессоров, зоологов М. А. Мензбира и А. А. Тихомирова, писал о последнем: «Иное впечатление живет от Александра Андреевича Тихомирова, некогда дарвиниста, потом — антидарвиниста, ректора (вступил в должность 19 августа 1899 г. и возглавлял Московский университет до 1904 г.— Я. С.), к которому не питали особой приязни; М. А. Мензбир был любимец; А. А. — нелюбимец: ректор, не дарвинист, антагонист Мензбиру; не верили пылу антидарвинистических выступлений ректора и яркой любезности с оттенком “шармерства” в общении с нами; несчастнейший тон! И — несчастнейшая внешность! Высокий, вертлявый, худой, серодряблый, с бородкою маленькою, серо-русый, небрежно бросающий слова; и вздернутый носик курносый, в пенсне; резкою интонацией и фистулою картавящего, пришептывающего голоса, чуть-чуть напоказ, с обезьяноподобными движениями длинных рук, — он не нравился; и называли его “макакой”, или — “маркизом”; казался “макакою”, думая, что он — маркиз; ректор-шармер, антидарвинист, перед нами подчеркивающий дружелюбие и желание всякого благополучия нам, вызывал оппозицию; видом своим

⁴⁸ Там же. Д. 1759. Л. 6.

⁴⁹ Там же. Л. 7.

говорил: не попадайтесь на удочку модных теорий; и я — заблуждался, но разобрался; и вот я, как друг, как наставник, как крупный ученый, доказываю правоту своей критики.

А мы не верили.

С развязным шарком, с привздернутым личиком старой макаки, играющей роль, он влетал с большим треском на кафедру; и дружелюбно кладя свою длинную руку на чучело, с юмористическим щуром оглядывал нас сквозь пенсне, вздернув нос, и громчайше цедил:

— Эээ... гээспээда... говорят, чтээ... — ворошил шерсть гиббона он, — чтээ это — наш предок.

Было ясно, что предок А. А. — не гиббон, а — макака»⁵⁰.

Первое, что сделал А. А. Тихомиров, как только вооружился приставкой «и. о.» и почувствовал личную административную значимость и власть, — запретил в стенах университета всякие массовые «сборища» студентов. Немедленно направленная Исполкомом к и. о. ректора за разъяснениями делегация поучила категоричное заявление, что отныне всякого рода сходки «возможны только в том случае, если студенты всякий раз будут сообщать программу совещаний субинспектору, который и будет присутствовать на совещаниях»⁵¹. Все в одночасье вернулось на круги своя...

Числа 10 марта Александр Титов сообщал отцу о внезапном развороте вектора событий: «Занятия начались с субботы, и все было бы благополучно, если б не болезнь ректора, а теперь опять начинают принимать строгие меры. Но, в общем, публика поуспокоилась. Я, в случае действительного скандала, уеду тотчас же за город к одному приятелю, который тоже воздерживается от беспорядков. А если ждет продолжительное прекращение занятий, то мне уже объявлено, когда я получал документы, что я буду выслан наравне со всеми, высланными в первый раз. Так что я, как узнаю, что начались высылки, поеду в Ростов»⁵². Заметная осторожность, с какой молодой человек старался держать себя в рамках университетских волнений, в общем, демонстрирует его истинные приоритеты и цели, — для него гораздо более важными оставались учебные и научные интересы. Однако участие в сходках и голосовании, близкое знакомство и даже дружба с некоторыми членами Исполнительного комитета, естественно, не прошли незамеченными для университетской инспекции⁵³. Отсюда и проистекало

---

⁵⁰ *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 391–392.

⁵¹ Цит. по: *Соломонов В. А.* Об участии московского студенчества в первой Всероссийской студенческой забастовке... С. 30.

⁵² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1759. Л. 5 (письмо без даты; внизу письма имеется помета, сделанная рукой Ан. Ал. Титова, очевидно, указывающая на дату получения: «1899 11 марта»).

⁵³ Отголоском мартовских событий, свидетельствующим о позиции Александра Титова, занимаемой им по отношению к студенческим волнениям, является обсуждение спустя два месяца в переписке отца и сына судьбы бывшего студента Алексинского. На полученное от Андрея Александровича о нем известие, Александр отвечал: «Алексинского я знал лично. Узнай ты, с которого

ее ехидненькое обещание высылки из Москвы «наравне со всеми».

На протяжении трех дней — 10, 11 и 12 марта — возмущенные студенты вновь голосовали, в результате чего было принято решение о начале акции неповиновения всем распоряжениям университетских властей. Через пару дней А. А. Тихомиров вынужден был констатировать: «Действие этого решения отчасти проявилось уже в субботу, а в понедельник 15 м[арта], во вторник 16 м[арта] забастовка достигла полной силы. Лекции частью не состоялись, частью состоялись при незначительном числе слушателей...»⁵⁴. В этих условиях правительство решилось пойти на крайнюю меру. 17 марта Московский университет объявили закрытым, а всех его студентов — уволенными... Впрочем, большинству из них все же предоставлялась милостивая возможность «на известных условиях просить об обратном приеме»⁵⁵.

В тот же день Александр отправил Ан. Ал. Титову в Ростов письмо: «С сегодняшнего дня университет закрыли, порядок принятия такой же, как в Киеве, т.е. по усмотрению инспекции. Я по очень многим причинам, которые объясню лично, решил прошения не подавать и взять бумаги. Завтра, вероятно, их мне выдадут, и в пятницу со 2-м поездом я приеду домой; если бумаги задержат надолго, то я уеду все равно, если же до субботы, то придется остаться денек. До свидания. Как видишь, твои опасения, что мне поставят X, не имеют основания»⁵⁶.

Размах репрессивных действий властей по отношению к студентам Московского университета, вознамерившихся отстоять свое право

курса — высокий или маленького роста? Он был как раз противополо[жной] партии, и старался нам пакостить и возмущать студентов, потому что его выперли из исп[олнительного] к[омитета], и хотел подорвать кредит учреждения, но его мы ловко сумели осадить. Был на греческой войне, характер сквернейший» (Там же. Л. 66; письмо от 7 мая 1899 г. из Лейпцига). Речь идет, предположительно, о социал-демократе Г. А. Алексинском (1879–1967), см. о нем: Политические деятели России 1917: Биографический словарь / под ред. П. В. Волобуева. М., 1993. С. 17–18; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуванов; под ред. Е. В. Макаревич. Т. 1: А–В. М., 1999. С. 59.

⁵⁴ Цит. по: *Соломонов В. А.* Об участии московского студенчества в первой Всероссийской студенческой забастовке... С. 30.

⁵⁵ Там же. Сходную картину происходивших событий в своих воспоминаниях дает историк, академик В. И. Пичета (1878–1947) — свидетель и участник студенческих волнений: «Началом к выступлению московских студентов 15–21 февраля 1899 г. получило столкновение петербургских студентов с полицией 8 февраля того же года. Студенты создали Исполнительный комитет, выпускали прокламации. С 15 февраля начались аресты и высылки студентов из Москвы. Развитие событий привело к тому, что по распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова университет закрывался до 22 марта, т.е. до периода экзаменов. Подобной тактикой он рассчитывал дезорганизовать студенческое движение. Однако Исполнительный комитет постановил продолжать забастовку и после 22 марта» (*Пичета В. И.* Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 676).

⁵⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1759. Л. 9 (письмо от 17 марта 1899 г.).

на гражданское достоинство и честь, оказался печально впечатляющим. Согласно официальным данным, исключенных из университета числилось 778 человек. По подсчетам же Исполнительного комитета число уволенных и высланных превышало 2 тысячи (кстати, эта цифра оказалась близка и к полицейской статистике). Только в ночь на 21 марта из Москвы было выслано около 400 человек⁵⁷.

⁵⁷ См.: Соломонов В. А. Об участии московского студенчества в первой Всероссийской студенческой забастовке... С. 31. Эту статистику дополняют впечатления самого Александра Титова, побывавшего в Москве проездом в Германию в первых числах апреля 1899 г.:

«Милый папа!

Вчера я благополучно приехал в Берлин, сегодня еду в Лейпциг. Здесь отдохнул одну ночь. Ехал очень хорошо — всю дорогу до Берлина с товарищем Мозером (Александром — одноклассником Ал. Титова по Петропавловскому училищу. — Я. С.), который взял себе на лето отпуск, и тоже будет работать за границей — в Швейцарии.

Что делается в последнее время в Москве, и описать себе трудно. Кроме 2000 высланных в первые 5 дней, теперь ежедневно забирается на улицах 50—80 чел[овек], и все, просидевши в части, высылаются с увольнением из университета. Около университета опасно ходить. Попадают лица вовсе ни в чем не замешанные, даже прямо стоящие против всякого движения. Так, в Пресненской ч[асти] было заключено дней 5 двадцать два чел[овека], из них выпустили только 2-х (и то случайно), остальные абсолютно ни в чем виноваты не были, но были посланы на родину с увольнением. [...] Пока до свидания. Поклон всем. Как только устроюсь, тотчас напишу адрес.

Твой сын А. Титов. [...] (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1759. Л. 10—11 (письмо из Берлина от 11 апр. 1899 г.); помета рукой Ан. Ал. Титова: «Получ[ено] 16 апр[еля] 1899»).

Любопытные воспоминания о ходе забастовочных событий в Московском университете и последовавших за ними репрессиях оставил их участник и пострадавший — И. М. Херасков, опубликовавший свои записки в эмиграции, в юбилейном университетском сборнике 1930 г.:

«Помню [...] хорошо ежедневные сборища студентов на дворе Старого здания, около входа в канцелярию. Тут все время была толкучка — читали бюллетни “Союзного Совета” (предшественника студенческого Исполнительного комитета. — Я. С.), делились последними новостями и слухами. Сюда сносились и жертвования. Помню, не без волнения вручал я здесь какую-то сумму “самому Авксентьеву” — председателю, как было известно всем, “Союзного Совета Землячеств” и, значит, верховного руководителя забастовки. [...] Землячества, наше по крайней мере, роли в движении не играли. Почему руководивший им орган продолжал, по крайней мере, первое время, называться “Союзным Советом”, я не знаю: новые члены в него избирались, во всяком случае, не от землячеств, а от “курсов”, т. е. от случайно составившихся кружков однокурсников. Помню, как мы, филологи разных курсов, в числе 10—12, собирались на чьей-то квартире и производили выборы представителей от всех четырех курсов. Точнее, это были выборы заместителей — на случай ареста “Совета”. Выбранные заместители уже сами затем должны были “кооптировать” себе своих заместителей. В эту вторую смену попал и я, хотя фактически участвовать в “Союзном Совете” мне не пришлось.

Официально забастовка была объявлена, но как на деле осуществить ее с желательной полнотой при невозможности не только больших общих сходок, но и маленьких собраний по курсам? Все представлялось, фактически, местной, так сказать,

Пресловутый «х» — запрещение жить в столицах и университетских городах — тогда «вкатили» многим. В начале апреля ярославский губернатор Б. В. Штюмер получил из Департамента полиции циркуляр, который уже 11 числа доводился до сведения ярославского полицмейстера и начальника Губернского жандармского управления. В документе говорилось: «При на-

инициативе. Наша группа однокурсников поступила так: мы раздобыли в канцелярии список своих студентов с адресами, и, разбив Москву на районы, решили предпринять обход всех квартир для личного увещевания. Мне досталась Малая Никитская, Грузины и окрестности зоологического сада. Я долго бродил по каким-то грязным дворам, взбирался на черные лестницы, стучался в клеенкой обитые двери, но... никого не застал: кто же бы из студентов стал сидеть тогда дома!..

Предложение обхода я отклонил на другой день. Но на другой день рано утром в мою комнату ворвалась перепуганная горничная: “Вставайте — полиция!” В тот же момент показалась в дверях и полиция в лице безукоризненно корректного околоточного. Должно быть вид у меня был растерянный, ибо околоточный прежде всего попросил меня “не волноваться”, а затем с сочувственным видом сообщил мне, что я из университета уволен и должен немедленно отправиться “на родину”. Через каких-нибудь полчаса моя корзина с бельем и книгами водружалась уже на передок к извозчику, а сам я усаживался сзади, рядом с городовым. Таких извозчиков стояло на дворе несколько, и “посадка” происходила в том же порядке — городовой, корзина, студент. На одного из извозчиков усаживался мой товарищ по курсу, живший в одном со мной доме (он был полон студентов), Влад. Ник. Перцев. Новые извозчики с высылаемыми студентами обгоняли нас (или мы обгоняли их) по всему пути до вокзала, к которому мы подъехали целой лентой. На Курском вокзале нас ждали привезенные раньше, в том числе арестованные накануне на Тверском бульваре и проведенные ночь в охранке. В последней группе я заметил своего брата — медика и еще одного земляка. Оба они пробирались накануне ко мне в Гнездииковский переулок, и по дороге были схвачены на бульваре; там предполагалось, оказывается, летучее собрание “Исполнительного Комитета” (новое имя “Союзного Совета”), и осведомленная о нем полиция забирала без разбору всех приближавшихся к роковому месту студентов. Так были зачислены в “Исполнительный Комитет” и мои неудачные гости, в действительности никакого отношения к нему не имевшие. Неудача стоила им исключения из университета и высылки на два года из всех университетских городов.

Ехали домой весело, в особом, до отказа набитом вагоне. Пели:

Русское правительство издало указ,

Чтоб на место жительства водворили нас...

Большинству высланных и лично мне “беспорядки” обошлись дешево: осенью нас приняли в университет обратно, на тот же курс. Год, значит, все же пропал...» (*Херасков Ив.* Из истории студенческого движения в Московском университете. (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник / под ред. В. Б. Ельяшевича, А. А. Кизеветтера и М. М. Новикова. Париж, 1930. С. 434–436).

В упомянутой ли мемуаристом, или в похожей популярной студенческой песенке тогда пелось:

Кто-то мне судьбу предскажет:

И какой городовой

На вокзал везти прикажет

И отправит на покой?

(*Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 343).

блюденни в г. Москве за деятельностью образовавшейся во время последних беспорядков в Московском университете студенческой организации, присвоившей себе наименование “Исполнительного комитета” и выпускавшей ежедневно бюллетени о ходе студенческого движения и воззвания с призывом к забастовке, было обнаружено несколько сходок означенного Комитета в различных местностях Москвы. В сходках этих принимали участие нижепоименованные 48 лиц». Далее в министерском рескрипте следовал список лиц, в отношении которых учреждался гласный полицейский надзор с ограничением права свободного выбора места проживания. «Принимая во внимание, что названные лица являлись главными зачинщиками студенческих беспорядков в г. Москве, а у студента Московского университета Иринарха Щеголева по обыску были отобраны тенденциозные сочинения, господин министр внутренних дел, на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, признал необходимым воспретить вышеозначенным лицам жительство в столицах, университетских городах, а также в Риге, Новой Александрии и Ярославле, в течение двух лет, считая срок с 27 марта 1899 года»⁵⁸.

Ярославских губернских властей министерское распоряжение касалось напрямую. И не только потому, что они должны были немедленно употребить все меры, чтобы ни один из почти полусотни «зачинщиков» не смог просочиться в пределы Ярославля, где имелся свой мирно пламенеющий студенческий очаг — Демидовский юридический лицей. В ряды московских студенческих бунтарей, как следовало из документа, все же затесался один из неблагонамеренных ярославцев, а вернее рыбаец — Николай Золотарев. Ему-то, единственному во всей губернии, и было объявлено в его родном Рыбинске, под расписку, предписание Московского обер-полицмейстера о запрещении в течение двух лет жить в означенных городах.

Один из четырех знаменитых братьев Золотаревых — Николай Алексеевич (1877—1915) — сын священника, позже экстерном окончил юридический факультет Московского университета (1902), общественный и политический деятель, идейно сочувствовал социал-демократам, не раз подвергался арестам, в 1908 г. эмигрировал за границу, жил на Капри, где познакомился с А. М. Горьким, в Париже, где на протяжении нескольких лет служил секретарем правления знаменитой Тургеневской библиотеки. В ту пору сюда частенько заезжал за революционной книжкой другой эмигрант из царской России — Владимир Ульянов-Ленин. «Талантливый он человек», — сочувственно отзывался о нем Н. А. Золотарев в одном из писем на родину⁵⁹. В 1914 г. Николай Алексеевич в рядах французской

---

⁵⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4446. Л. 145–145 об.

⁵⁹ Мейерович М. Г. Письма рассказывают о Ленине // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 178. См. также о Н. А. Золотареве: Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края. Ярославль, 1990. С. 233–234; Тишина О. Ю. Николай Алексеевич Золотарев (1877–1915) // Ярославский календарь на 1997 год. Ярославль, 1997. С. 27–29.

армии ушел на германский фронт, где геройски погиб за чужую родину, за что благодарная Франция посмертно удостоила его ордена Почетного легиона⁶⁰.

Наверняка они — земляки-ярославцы Николай Золотарев и Александр Титов — были в студенчестве знакомы. Но были ли близки? Вряд ли. Однако как удивительно схожи оказались судьбы обоих ровесников, навеки оставшихся лежать в сырой земле-мачехе Франции... А вот с другим членом студенческого Исполнительного комитета Титов определенно был знаком и даже дружен. Фамилия Николая Авксентьева почти что открывала

⁶⁰ В память о погибшем 12 (25) сентября 1915 г. «на другом берегу» русском эмигранте Н. А. Золотареве ярославская газета «Голос» поместила некролог:

«Павший на западном фронте русский эмигрант Н. А. Золотарев, о чем сообщ[алось] в предыдущем № “Голоса”, — сын уважаемого в Рыбинске соборного протоиерея о. Алексея Золотарева. Покойный родился в 1877 г. По окончании Рыбинской гимназии и Московского университета, был в Москве присяжным поверенным. Памятный 1905 г. вырвал его из русской жизни. Н. А. судился в качестве политического, сидел в тюрьме и в 1908 г. принужден был уехать за границу, где и застала его великая война. Родина, которую он не переставал любить на чужбине, зажгла в нем чувство искреннего патриота, и Н. А. Золотарев пошел добровольцем в ряды французской армии. Здесь он за свою доблесть и храбрость получил офицерский чин, но немецкая пуля сразила горячего борца против германского милитаризма.

В лице покойного русская эмиграция потеряла видного и деятельного члена. Вместе со своим братом, писателем А. А. Золотаревым, Николай Алексеевич много поработал для русской колонии в Париже. Благодаря его трудам русская Тургеневская библиотека в Париже была поставлена на должную высоту и стала действительным культурным уголком для эмигрантов.

Наряду со многими другими эмигрантами, павшими за родину от вражеского оружия, Н. А. являет яркий пример того патриотического энтузиазма, который окружил русскую эмиграцию во Франции ореолом подвига.

Нам, оставшимся на родине, тяжело слышать об этих беззаветных жертвах искренней любви к России — вдали от родных берегов. Но вместе с тем, и приятно сознавать, что там, “на другом берегу”, в унисон с нами бьются горячие сердца, полные общим желанием — свергнуть прусский милитаризм на счастье и свободу Европы и родины» (Николай Алексеевич Золотарев // Голос (Ярославль). 1915. 22 сент. (5 окт.) (№ 215). С. 3).

Любопытно заметить, что о парижской Тургеневской библиотеке семейство Титовых было хорошо осведомлено еще и в 1890-е годы. Вот, что писала Валентина Андреевна Титова своему отцу из Парижа 2 февраля 1897 г.: «Милый папа! [...] Мы здесь уже 5 день. Погода нас не особенно балует: все идет дождь, хотя очень тепло; даже в драповой кофточке жарко ходить. Ник[олая] Ал[ександровича] (Попова. — Я. С.) видим каждый день. Он очень благодарит тебя за книгу. Жена его очень милая и гораздо его образованнее. Вчера я вместе с ними была на лекции в Сорбонне; слушали профессора Жюльвиля; он читает историю средневекового театра; говорит замечательно красиво. Н. А. ходит здесь в Тургеневскую библиотеку, где собраны все запрещенные книги о России и, конечно, много интересного материала» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1777. Л. 47–48; на бланке: Hotel Richmond. 11, Rue du Helder, 11; см.: *Смирнов Я. Е.* Ярославцы в Тургеневской библиотеке в Париже // Библиотеки в сохранении исторической памяти народа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Д. С. Лихачева. Ярославль, 2006. С. 28–48).

(следуя по алфавиту) полицейский список «бунтарей» Московского университета. Будущий видный идеолог и один из создателей партии эсеров, Н. Д. Авксентьев (1878–1943) также после Первой русской революции вынужден был эмигрировать во Францию — в Париж. Вновь вернувшись в Россию после Февральской революции 1917 г., он займет пост министра внутренних дел Временного правительства (в ту самую пору, когда в нем работал Ал. Ан. Титов), позже возглавит недолговечное правительство в Сибири — Уфимскую директорию. И снова, после падения, эмиграция — в вечный город Париж⁶¹. Но все это еще в далеком будущем. А пока, через год с небольшим, Николаю Авксентьеву предстояла более земная и приятная миссия — исполнить роль шафера на свадьбе его друга Александра Титова, сыгранной вдали от родных мест — за границей...

В марте 1899 г. Александр Титов сумел избежать принудительной высылки из Москвы, самостоятельно удалившись к себе на родину. Тем более, как сразу же выяснилось, его университетские бумаги на неопределенное время застряли в канцелярии Московского обер-полицмейстера. Застряли они, однако, не потому, что их владелец как-то по-особому привлек внимание полиции, просто университетская канцелярия теперь целиком перешла в руки канцелярии полицейской. На основе этих личных документов стражи порядка, кстати, и дельце на Титова завели, под № 113, только вот все время потом путались, где же поднадзорного искать, — то ли в Ростове Ярославском, то ли ... в Ростове-на-Дону⁶². Выходит, что не очень-то

⁶¹ Подробнее об Н. Д. Авксентьеве см. статьи в энциклопедиях: Политические деятели России 1917. С. 10–12; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1996. С. 15–17; Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 39–40. В новейшем издании «Большой Российской энциклопедии» ошибочно утверждается, что в 1899 г. «за организацию студенческой забастовки» Авксентьев был исключен из Санкт-Петербургского университета (М., 2005. Т. 1. С. 85).

⁶² В одном из полицейских документов, скопированных кем-то для Ан. Ал. Титова и оставшихся в его бумагах, нам встретились следующие сведения об Александре Титове (кстати, некоторые из них неточны), под которыми стоит циркулярная помета «В дело № 113–1899 г.»: «Титов Александр Андреевич, сын надворного советника, быв[ший] студ[ент] Моск[овского] унив[ерситета], родился в 1879 г., вероисповед[ания] православного, холост, отец Андрей Александрович, мать (как зовут неизвестно), сестры Александра и Валентина, проживают при родителях, Глафира, жена товарища прокурора Смоленского окруж[ного] суда Кегель, Варвара, учительница, состоящая замужем за учителем Ярослав[авской] гимназии Соловьевым, 31 августа 1900 года возвратился из-за границы и направился в г. Ростов-на-Дону, но там по розыскам не обнаружен (выделено мной. — Я. С.). [...]

Кому следует сообщить о месте пребывания и учреждении негласного надзора. Департаменту полиции и начальнику Донского областного жан[дармского] управления (выделено нами. — Я. С.)» (РФ ГАЯО. Ф. 338. Оп. 1. Д. б/н. Л. 164).

Между тем, «потерянный» полицией Ал. Титов благополучно добрался до Ростова Ярославского, и уже 4 сентября 1900 г. отправил отцу на Нижегородскую ярмарку почтовую карточку следующего содержания: «Сегодня твое письмо получил. В де-

и требовалось за «бывшим студентом» надзирать. Сам факт объявления о закрытии университета окончательно подтолкнул Александра к решению, которое у него, в общем-то, созрело давно: «Я по очень многим причинам, которые объясню лично, решил прошения не подавать и взять бумаги». Раз «понюхав» немецкой науки и оценив все преимущества тамошней системы университетского образования, он хотел свое учение продолжить в Германии. Его страстно увлекала наука, и он не желал терять время даром. Это-то и стало предметом его «личных» объяснений с отцом, который, без сомнения, поддержал самостоятельный и зрелый выбор сына⁶³.

Но прежде всего этот выбор поддержали учителя Александра — те университетские профессора, которые разглядели в нем талант и страстное стремление к научному творчеству. О своем первейшем наставнике, профессоре Н. А. Умове, Ал. Ан. Титов с большой теплотой и благодарностью вспоминал в январе 1915 г., в скорбные дни после кончины учителя: «Как просто встретил он меня при поступлении в его лабораторию, как терпеливо и умело он разъяснял те вопросы, с которыми я обращался к нему как издатель его лекций. Но всего больше величие души его сказалось в отношении к самому наболевшему вопросу студенческой жизни, к сту-

---

ревню поедем вместе с тобой. Нине лучше (очевидно, речь идет об одной из дочерей супругов Г. А. и В. А. Кегель. — Я. С.). Мед привезли, завтра отправим. Я, ехавши из Москвы в Ростов, схватил насморк и сижу дома. Наш сундук все еще не прислали, т[ак] что я без теплого пальто» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1760. Л. 49).

Таковы были метаморфозы учреждения над студентом Ал. Титовым негласного полицейского надзора, истоки которого крылись в «первой Всероссийской студенческой забастовке 1899 г.»

⁶³ Кстати сказать, этот очевидный факт дает основание положить конец существующему «фамильному» мифу о том, что, де, желая спасти своего «революционно настроенного» сына (к тому же, якобы «увлекавшегося марксизмом»?) от преследований полиции, Ал. Ал. Титов «отдал» (или «отправил») Александра учиться за границу (из воспоминаний престарелой внучки Ал. Ал. Титова В. Н. Соловьевой (1910–2000), зафиксированных в 1996 г. и принятых в краеведческой литературе на веру, см.: *Крестьянинова Е. И. Письма Веры Николаевны Соловьевой // Титовы: Ростов—Париж—Москва. Живые голоса.* / гл. ред. А. Е. Леонтьев. Ростов, 2002. С. 115, 121). И уж совсем нелепыми, в своей исторической приближенности, выглядят рассуждения другой отдаленной потомки Титовых — Е. Н. Морозовой (1889–1976), записанные с ее слов незадолго до смерти, и также обнародованные. Об Александре Титове она повествовала: «Тот был очень умный, способный, учился в Московском университете. И примкнул к революционерам, но был он не большевик, а принадлежал к какому-то другому течению. Его из университета исключили за какие-то события и сослали в Ростов под полицейский надзор, но Андрей Александрович как-то все устроил, и Александр поехал учиться за границу, кажется, в Берлин или в Лейпциг» (*Крестьянинова Е. И. Воспоминания Е. Н. Морозовой // Титовы: Ростов—Париж—Москва. Живые голоса.* / гл. ред. А. Е. Леонтьев. Ростов, 2002. С. 93).

Истинное положение вещей проясняет замечание Александра в письме к отцу из-за границы от 16 (28) мая 1899 г.: «Как видишь, я вовсе не исключен из университета, а уволен до сентября, с прав[ом] поступ[ления] в другие унив[ерситеты]. Тем же, которых уволили по 2-й катег[ории] — с прав[ом] обратного поступления — даже и бумаг не прислали» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1759. Л. 21).

денческим беспорядкам. Когда волна забастовочного движения в 1899 г. охватила университет, и начались аресты, допросы и высылки, он помогал нам, чем мог: и на лекциях, и в частных беседах уговаривал нас, объяснялся с начальством, хлопотал за нас, а тем, перед которыми закрылись университетские двери, помог своей рекомендацией поступить в заграничные университеты. При этом он волновался и беспокоился за нас, как за своих родных детей»⁶⁴.

Лучшие университетские профессора, в отличие от «профессоров-доносчиков», как их называла студенческая братия, с сочувствием относились к демократическим чаяниям молодежи и ее борьбе, всей душой переживали последствия несправедливых репрессий. И это, кстати говоря, также не ускользало от внимания вездесущего полицейского ведомства. В те дни в его сводках фигурировали имена «ненадежных» профессоров М. А. Мензбира, К. А. Тимирязева, Н. А. Умова и др.⁶⁵ На свой страх и риск они, чем могли, помогали определяющейся в своем гражданском выборе студенческой молодежи. Тех же, кто был особенно даровит, они старались направить в европейские университеты, к своим именитым коллегам-ученым. Физик Николай Алексеевич Умов принял горячее участие в судьбе студента Александра Титова, с которым и после его возвращения из-за границы продолжал тесно сотрудничать, до конца своих дней сохраняя сердечно-дружеское расположение к одному из лучших своих учеников⁶⁶.

---

⁶⁴ *Титов Ал.* Памяти учителя // Русские ведомости. 1915. 4 янв. (№ 3). С. 3.

⁶⁵ См.: *Платонов Г. В.* Климент Аркадьевич Тимирязев. С. 44.

⁶⁶ Н. А. Умов и его супруга, будучи проездом в Берлине в июне 1901 г., посетили Ал. Ан. Титова в его квартире. О тесных и добрых отношениях Н. А. Умова и Ал. Ан. Титова также свидетельствует сохранившееся в архиве Ал. Ан. Титова письмо ученого. Из него видно, что профессор Умов, очевидно, по просьбе Александра Титова, содействовал и лично участвовал в разыскании в университетской библиотеке некоторых рукописных материалов, интересовавших его отца-археографа. 21 сентября 1901 г. Н. А. Умов писал Ал. Ан. Титову: «Многоуважаемый Александр Андреевич! Я справлялся в библиотеке Московского университета относительно писем и автографов Снегирева (Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) — историк, этнограф, профессор Московского университета, цензор. — Я. С.). Библиотекарь Дмитрий Дмитриевич Языков (1850–1918, известный библиограф и литературовед, составитель словаря-ежегодника «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц». — Я. С.), знающий труды Вашего батюшки, сообщил мне, что Ивановский купил случайно письма и автографы на Апраксином дворе и часть их, вместе с дневником, издал в 1871 г. (речь идет об издании: *Ивановский А. Д.* И. М. Снегирев и дневник его воспоминаний с 1821 по 1865 г. СПб., 1871. — Я. С.) После смерти Ивановского ничего в библиотеку университета не поступало, и в рукописном отделе библиотеки по каталогу ничего не значится. Языков интересуется знать, почему Ваш батюшка предполагает, что наследники Ивановского должны были передать письма в библиотеку университета? Если имеются на это факты, то Языков желал бы их знать, чтобы на их основании вытребовать от наследников документы.

Я искал с Языковым в общем каталоге, так как после перевозки библиотеки не могли найти подлинного каталога рукописного отдела. Но мне обещали его приискать. На память же Языков и другой служа-

Никогда не забывал профессорской «чашки чая» своего любимого учителя и Александр Титов.

Остановив свой выбор на Лейпцигской лаборатории знаменитого физико-химика Вильгельма Оствальда, достижения которого в те годы олицетворяли передовой рубеж мировой науки, Александр Титов заручился рекомендацией еще одного своего университетского учителя — профессора химии Николая Дмитриевича Зелинского.

Не прошло и месяца с той тревожной поры, как грянуло объявление о закрытии Московского университета, Александр прислал отцу свою первую весточку из Германии...

ший утверждают, что писем Снегирева нет. В общий каталог тоже занесены рукописи, и там мы искали под фамилиями Снегирев и Ивановский. Известия Моск[овского] унив[ерситета] за 1869 г. № 1 я взял.

Жена кланяется супруге Вашей и Вам. Передайте и мой поклон.

Жму Вашу руку. Н. Умов» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1850. Л. 1–2).

По поводу той же проблемы Александр сообщал отцу из Лейпцига в письме от 8 октября 1901 г.: «Умов достал тебе еще книжку о Снегиреве и хотел послать. Оказалось, что это та самая, которая у тебя, и из которой ты вычитал то примечание. Значит, Языков и не полюбоствовал заглянуть». (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1771. Л. 24).